

Андрей ГОРНЫХ

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И КОММУНИКАЦИЯ: МЕТАФОРА И ДЕНЬГИ У КЕННЕТА БЕРКА

Аннотация: В статье рассматривается то, как из ключевых понятий концепции «символического действия» Кеннета Берка вытекает социально-критическое видение современного общества. Связующим звеном между литературоведением и социально-антропологическими построениями Берка выступает понятие мотива. Аутентичным источником мотивов человеческого действия служит метафора, дающая в виде своего «третьего термина» такой образ, который одновременно является поэтическим, воображаемым и динамическим, движущим. Метафора раскрывает общность несходных вещей – неожиданную, но глубокую, и служит моделью intersubъективных отношений. Групповая связность может быть понята как «распространенная метафора», в которой у всех членов группы есть общий «третий термин». Таким образом Берк сближает поля антропологии и поэтики. Общность племени не является абстракцией, формирующейся из индивидов, а существует в виде родовой субстанции в самих индивидах. Метафора – это отношение, в котором элементы не поглощают один другой, но обнажают суть друг друга, взаимно-снимают частичность, случайность – то есть коллективная форма. В этом состоит «парадокс субстанции». Диалектика идентификации определяется тем, что индивид совпадает с собой посредством не-себя (некоего внешнего «персонажа», на которого он хочет быть «похож»). Парадокс субстанции помещает символические действия в общее поле «символической коммуникации», в которой слово является не только внешним инструментом, но внутренним качеством индивидов. Поэтическая образность является субстанцией социального. Метафора в этом качестве противопоставляется деньгам, которые, вытесняя метафору в качестве принципа социальной связности, подрывают подлинно человеческие мотивы (утилитаризм вместо коммунальной поэтики).

Ключевые слова: Кеннет Берк, символ, мотив, метафора, деньги, утопия, коммуникация, социальная связность.

© 2020 Андрей Анатольевич Горных (доктор философ. наук, профессор, Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва) andrei.gornykh@ehu.lt

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

UDC 82(091)
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-174-194>

Andrei GORNYKH

SYMBOLIC ACTION AND COMMUNICATION:
METAPHOR AND MONEY
IN KENNETH BURKE

Abstract: The article examines how the social-critical vision of modern society stems from the key notions of Kenneth Burke's conception of "symbolic action". The bridge between literary criticism and Burke's socio-anthropological constructions is the concept of motive. An authentic source of motives for human action is a metaphor that gives an image that is simultaneously poetic, imaginary and dynamic, moving (in the form of "third term" of the metaphor). The metaphor reveals unexpected, but essential unity of dissimilar things. And in this sense it serves as a model of inter-subjective relations. Group cohesion can be understood as an "extended metaphor" in which all group members have a common "third term". Thus, Burke brings the fields of anthropology and poetics closer together. A metaphor is a relationship in which the elements do not absorb each other, but reveal the essence of each other, sublimate their partiality, contingency, that is make up a collective form. This is the "paradox of substance". The commonality of a tribe is not an abstraction that arises "after" individuals, but exists in the form of a generic substance in the individuals themselves. This defines the dialectic of identification: the individual coincides with himself by mediation of not-himself (some external "character"). The paradox of substance places symbolic actions in the general field of "symbolic communication," in which the word is not only an external instrument, but an internal quality of individuals. Poetic imagery is the substance of the social. Metaphor in this capacity is contrasted with money, which, displacing metaphor as a principle of social coherence, undermines truly human motives (utilitarianism instead of communal poetics).

Keywords: Kenneth Burke, symbol, motive, metaphor, money, utopia, communication, social cohesion.

© 2020 Andrei A. Gornykh (Doctor Hab. of Philosophy, professor, European Humanities University, Vilnius, Lithuania) andrei.gornykh@ehu.lt

Символическое действие и мотив

Понятие «символического действия» занимает центральное место в концепции Кеннета Берка. С одной стороны, оно предстает весьма двусмысленным, порождая обширную полемику, с другой, в значительной степени в силу этого свойства, весьма эвристическим, дающим начало новым концептам и теориям, помогающим осмыслить современное соотношение социального и коммуникативного¹.

Что же такое «символическое действие» в отличие от действия обычного? Различие, кажется, лежит на поверхности. Когда мы срубили дерево, это практический акт. Когда мы описываем то, как мы срубили дерево, – это акт символический. Однако области практического и символического могут пересекаться: слова могут становиться элементами практического инструментария, координируя, например, действия при производственной деятельности (начиная с примитивной охоты), но могут использоваться и для чистого удовольствия. Это предварительное описание берковского концепта Робертом Хизом может одновременно служить описанием биографической исследовательской траектории самого Берка, который начинал свои исследования с изучения эстетики литературного слова: «в 1920-х он вел безмятежную жизнь эстета, единственным интересом которого было понимание и использование [в своем творчестве] универсальных категорий, образующих чары литературы»². В 1930-е годы в атмосферу маленьких радостей смакования стилистических приемов и поэтических фигур, во многом характерную для американского литературоведения, врывается ветер исторических перемен. Под воздействием Великой депрессии складываются основы концепции Берка, переосмысливающего соотношение слов, людей и реальности. Само

¹ Росс Волин указывает на отсутствие ясного определения концепта «символического действия» у Берка, но считает это не слабостью, а скорее продуктивной открытостью понятия (см: Wolin, Ross. *The Rhetorical Imagination of Kenneth Burke*. Studies in Rhetoric/Communication. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2001).

Интерпретативная модель литературы Фредрика Джеймисона с ее ключевым концептом «символического акта» разрабатывается в прямой полемике с Берком (см. Jameson, Fredric. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1981; Jameson, Fredric. “Symbolic Inference; or, Kenneth Burke and Ideological Analysis.” *The Ideologies of Theory*. London, New York: Verso, 2008: 144–161).

² Heath, Robert L. *Realism and Relativism: A Perspective on Kenneth Burke*. Macon, GA: Mercer University Press, 1986: 1.

слово становится символическим действием. Оно перестает быть тем, что может иногда использоваться как момент непосредственного, «настоящего» действия, но по большей части выступает как предмет гедонистического созерцания.

Данное переосмысление в самом общем плане разворачивается в русле традиции кантианских априорных форм познания и культурных «символических форм» Кассирера. Слова в качестве символов служат не просто лингвистическими знаками реальных вещей, которые облегчают людям обращение с последними. Слова творят реальность. Слова настолько же *реальны*, как и физические объекты. Человек имеет дело с вещами «через туман слов (или, если хотите, он видит вещи *в свете* слов). В этом смысле слова “символ” любой язык... может считаться формой “символического действия”».³ Символы – это проекция на мир человеческих интересов, задание «перспектив», в которых только и возможно осмысленное целеполагание, а следовательно, и действие. Символы задают «перспективные» направления, оптимальные для деятельности.

В этом контексте рождается один из самых идиоматических терминов Берка – «расположенность» (*an attitude*). Берк задействует оба смысла слова “attitude” – «отношение» к чему-либо и телесная «поза». Причем и прямой, и переносный смысл этого слова предполагает тесную связь с практикой – быстрый и однозначный переход от потенциального к актуальному (как, например, в выражениях типа «он принял угрожающую позу»). Термин “attitude” относительно полно передается, на наш взгляд, словом «расположенность», удерживающим и его телесный аспект (положения, позиции), и психологический (быть «расположенным» или «не расположенным» к чему-то или кому-то). Берк радикализует двусмысленность этого слова, практически сливая оба смысла воедино.

Расположенность – это такая предначертанная «схема» реальности, которая предопределяет движение в ней по определенным траекториям. Это образ реальности, который переходит в образ действия в этой реальности. Это мост, перебрасываемый от замысла к его исполнению. Вернее, сами понятия замысла и поступка есть не исходные реалии, которые связываются, актуализируются расположением (как чем-то вроде декартовской «шишковидной железы», опосредующей идеальное и материальное в человеке). В человеческой

³ Burke, Kenneth. “Symbol and Association.” *Hudson Review* 9 (1956): 213.

реальности первична скорее расположенность, а замысел и поступок – ее «послеобразы», разделенные абстрактные моменты живого единства расположенности.

Расположенность служит «мотивом» человеческого действия. Понятие мотива, акцентирующее активную роль расположенности, также имеет продуктивную двусмысленность – психологической мотивации и того, что движет нами буквально, «толкает» на что-то, «бросает» куда-то – как «бросает» на рельсы молодую гомосексуальную девушку из классического фрейдовского случая короткое замыкание слов: она «позволяет себе упасть» (*niederkommen lassen*), потому что сталкивается с неосуществимостью своего желания «понести» от отца (*niederkommen*).

Такой мотив – это не отдельный эмоциональный толчок, но то, что встроено в систему, порождающую взаимоподдерживающие мотивировки, в расположенность. Функция, которую элемент выполняет в рамках системы, – «вот что Берк называет мотивом»⁴.

Диапазон риторической силы мотива – от убеждения до побуждения, «индуцирования» (*inducement*) действия⁵. Предрасположенность к действию, рождаемая убеждением, – более пассивная категория, чем «расположенность», предполагающая переход к действию. Можно сказать, что расположенность, иллюстрируя мысль Берка с помощью не литературных примеров, – это то, как прыгун в спорте готовится к прыжку. Он не просто прокручивает предстоящий прыжок в голове. Он его инсценирует, актуализирует моторную схему прыжка, всем телом совершает «микрорпрыжок», так что сам прыжок становится повтором уже совершенного прыжка. В спорте существует и другой феномен – «заряженность» на удар (у боксера или футболиста). На многочисленных тренировках, на разминке перед матчем нокаутирующий или голевой удар формируются в качестве «расположенности» в хорошем спортсмене. Они результативны, потому что являются повтором уже совершенного акта, а не чистым, спонтанным актом *per se*.

Это уровень «энтелехии» тела, как бы сказал Берк, активного формообразующего принципа, порождающий жест, сцепляющий один жест с другим. «Аристотелевское понятие “энтелехии” [отсы-

⁴ Bygrave, Stephen. *Kenneth Burke: Rhetoric and Ideology*. London; New York: Routledge, 1993: 19.

⁵ Burke, Kenneth. *A Rhetoric of Motives*. Berkeley, CA: University of California Press, 1969: 50.

лает к тому, что] каждое сущее имеет целью совершенство, присущее своему роду (или, этимологически, оно характеризуется “внутренним обладанием телоса”). ...Аристотель, судя по всему, размышляет о всех вещах в терминах энтелехии (сохраняя двусмысленность этого термина, *kinesis*, который включает в себе как “действие”, так и “движение” (“action” and “motion”)), мы же ограничиваем этот принцип сферой символического действия»⁶.

Мотивы порождаются словами, сделаны из слов – вот самое существенное для понимания этого термина у Берка. Продолжая спортивные аналогии, можно сказать, что именно язык тренера порождает спортивные расположенности, а не одни показы необходимых движений на личном примере. Язык тренера – плотный, пара-поэтический язык повторов, «заумь» из напластования профессионального жаргона, идиоматических оборотов, идиосинкратических неологизмов и ономатопоэтических конструкций. Он делает «наглядно» понятным как именно нужно осуществлять то или иное движение – особенно в таких драматических видах спорта как силовые противоборства. Так, в боксе обозначают нюансы движения в терминах «нырнуть», «разорвать дистанцию», «двигаться на ногах», «набросить» и т.п.

Символизм слова обнажается в обценной лексике, мате – который передает смысл не столько семантически, сколько интонационно и вариативно. «Обценная триада» – три кита любой матерщины, если не языка вообще (женский и мужской половые органы и сам половой акт) – являются своеобразными кантианскими «пустыми формами», которые можно наполнить любым семантическим содержанием. И с помощью морфемной комбинаторики (префиксы, аффиксы, суффиксы, постфиксы) конструировать открытое множество значений и высказываний, плотно привязанных к контексту произнесения (конкретной ситуации, интонации, эмоции), а сам акт произнесения, тембральный окрас и фонетический рисунок фраз выступают органической частью подвижного значения. Обценная речь перформативна в своих самых крайних формах, предполагает незамедлительную реакцию в виде действия – является способом «индуцирования» (*inducement*) жеста, причем сила индукции зависит от количества повторений фразы. Повторность обценной лексики на порядок выше по сравнению с обычным языком. Любое слово, повторяемое

⁶ Burke, Kenneth. *Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature, and Method*. Berkeley, CA: University of California Press, 1966: 17.

и варьируемое, эмоционально интонируемое, наливается действенным прото-семантическим смыслом. Оно становится «ощутимым», «вещественным», «плотским».

Этот важнейший момент берковского «символического действия» не позволяет нам останавливаться на уровне традиционно понимаемой риторики. Например, если в США объявляется война с бедностью, то мы, оставаясь на уровне традиционной риторики, можем сказать, что это происходит не вследствие того, что богатеющая страна может себе это позволить. Дело не в количестве денег, но в том, что первым сражением этой войны выступает «символическая битва» относительно именованых бедных. Характер войны будет зависеть от того, как мы их назовем – ленивые, дегенеративные, больные, злые, инфантильные, хитрые, невежественные, гордые, смиренные, ставшие невинными жертвами или несчастные (*lazy, degenerate, sick, evil, childlike, cunning, ignorant, proud, humble, victimized, or unfortunate*)⁷.

Но если мы выходим, вслед за Берком, на уровень антропологического переосмысления риторики, тогда мы должны признать, что дело не просто в отдельных сильных эпитетах, которые могут эффективно воздействовать на разум благодаря эмоциональному усилению. Образность слов зависит не столько от подбора выразительного «имени» (которое перестает быть нейтральным знаком, но приобретает мотивирующую силу), сколько от принципа повторения, который приводит нас к теории метафоры.

Метафора

«Нет иного смысла кроме метафорического» – эта фраза Лакана может служить эпиграфом к размышлению о языке Берка. Мышление социального существа начинается с метафоры. Абстракция – это стертая, ослабленная метафора. Понятие, по мнению Берка, фиксирует общее между сходными по какому-либо существенному признаку вещами. Абстрактное понятие основано на близкой аналогии между однотипными явлениями. Основой же метафоры служат аналогии сколь угодно далекие («сходства несходного», по выражению Виктора Шкловского). Метафора – это озарение, в свете которого обнаруживается сходство далеких вещей. Чем дальше сравниваемые в метафоре

⁷ “An Introduction by Hugh Dalziel Duncan.” Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984: XV.

термины, чем больше, так сказать, разница потенциалов, тем интенсивнее «ток» метафоризма между ними, тем ярче образ.

Метафора присутствует и в научных текстах в виде «терпеливого повторения во всех ее разветвлениях некой «плодотворной метафоры» (a fertile metaphor)⁸. Тем более она определяет смысловое единство литературного текста.

Само классическое определение метафоры как «третьего термина», в котором сравниваемая пара представлений находит свою уникальную общность, для Берка является достаточно абстрактным. Конкретной является метафора «развернутая» или, в его терминах, «телескопированная». Парадоксальным образом, исходным для смыслообразования, служит именно этот «третий термин» до двух первых. Точнее всего этот феномен описан Эйзенштейном в качестве монтажного образа. Монтажный образ – это некий невидимый образ, который визуализируется посредством монтажных столкновений кадров. Но поэтический монтаж Эйзенштейна – это не столько набор отдельных фигур киноязыка, на который может рассыпаться фильм (как это происходит местами, например, в «Октябре», 1927), но общий монтажный «ход», проходящий сквозь многие кадры и создающий цельность кинематографической формы. Таков, например, классический эпизод начала битвы на Чудском озере из фильма «Александр Невский» (1938), проанализированный самим режиссером. Весь эпизод построен как «раификация» или «телескопирование», выражаясь языком Берка, в ряде кадров образа ожидания во всей его конкретности – зловещего, сдавленного ожидания «нечеловеческого» врага (клина тевтонских рыцарей). И этот образ захватывает зрителя, который «заражается» ожиданием, дыхание которого становится таким же сдавленным, одним словом, зритель обретает ту же расположенность по отношению к событию.

Отсюда искусство чтения заключается не в интерпретации литературного произведения (переписывания его в ином коде – моральном, политическом, религиозном), но в умении сгустить различные элементы текста так, чтобы они как элементы одной метафоры дали общий совокупный образ. Работа же автора является по сути риторической – повторить исходный невидимый образ, находя для него все новые слова, «раздвинуть» («телескопировать») метафору, чтобы

⁸ Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. New York: New Republic, 1935: 127.

исходное авторское видение могло быть реконструировано публикой. Именно тогда метафорический образ формирует расположенность. Метафора порождает мотив.

Так, например, у Гоголя в «Тарасе Бульбе», вестник, рассказывающий казакам Запорожской Сечи о притеснениях по всей Украине, строит свою речь, драматически нанизывая один пример угнетения на другой, – так что в конце концов травматический смысл слов достигает интенсивности образа и превращается в общую волну к действию: «Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар». Упорство этого «внутреннего жара», непосредственно переходящее в долгосрочное, коллективное действие, и есть мотив.

Метафора есть «открытие неожиданных доселе связей (connectives)... отношений, переходов между объектами, которые игнорируются в рациональном словаре»⁹.

Когда Элиот при визите в колледж отмечает менее «декадентский атлетизм» образа жизни американских студентов, он изобретает метафору. Ницше превращает свои тексты в «марширующий строй метафор», постоянно сопоставляя несоизмеримые в привычном смысле слова. Примеры Берк множит до бесконечности, подчеркивая, что в конечном счете художественное повествование обладает двойным дном: помимо последовательного разворачивания сюжета, оно содержит повторение одной темы, образа, который, после того как автор организует вариативное поле его повторения, обретает суггестивную, риторическую, *мотивирующую* плотность.

Берк описывает устройство этой «плодотворной» или «распространенной» метафоры в терминах ряда сравнений (set of equations) или ассоциативного кластера, формирующего общую семантическую схему (the over-all semantic chart), которая и есть движение метафоры (the riding of a metaphor): «поэт может проводить некоторую подлежащую тексту метафору в качестве темы с вариациями сквозь весь свой текст»¹⁰.

В этом ряду сравнений некое общее качество передается от слова к слову, связывая самые далекие из них. Берк использует даже

⁹ Burke, Kenneth. *Permanence and Change*: 20.

¹⁰ Burke, Kenneth. *The Philosophy of Literary Form: Studies in Symbolic Action*. Berkeley, CA: University of California Press, 1973: 152.

«инфекционные» образы – слова становятся «заразительными» в отношении друг друга.

Здесь Берк делает решающий переход от искусства к социальной жизни. Метафора имеет место, когда в столкновении случайностей проступает необходимость – та необходимость, о которой Пастернак говорит как об особой «настоятельности», реальности поэзии, а Хайдеггер – как о просвете бытия в поэтическом слове. Метафора порождает настоящие «вещи», которые предстают более объективными, полновесными, чем сами вещи. Метафора порождает «каменность камня», «воскрешает» природу вещей, в терминах Виктора Шкловского.

Берк предлагает нам антропологическую версию подобной поэтики формализма. Истоком особой онтологии поэтического слова выступает то, что метафора может рассматриваться как исходное социальное отношение. «Общее качество», «третий термин метафоры», в котором элементы не поглощают один другого, но обнажают суть друг друга, взаимно-снимают частичность, случайность, – есть коллективная форма. Берк разворачивает этот тезис в виде «парадокса субстанции». Средневековую контрверзу номинализма и реализма вокруг вопросов, существуют ли универсалии «после вещей» (как отвлеченные от них категории), «в самих вещах» или «до вещей», Берк переписывает в социально-антропологических терминах: «Дает ли племя жизнь своим членам (*universal ante rem*), присутствует ли оно в своих членах (*universal in re*), или же племя – это всего лишь условное обозначение суммы его членов (*universal post rem*)»¹¹?

В общем разделяя фрейдовское видение ядра тотемизма как евхаристической трапезы – поглощение общей родовой субстанции (первобытного Отца) братьями, Берк склоняется к позиции «реализма»: универсалия племени в виде общей родовой субстанции (*familial consubstantiality*) существует до индивида и в индивиде. Отсюда – диалектика идентификации: индивид совпадает с собой посредством не-себя (некоего внешнего «персонажа», на которого он хочет быть «похож»). Мотивы индивида – настолько же внутри, насколько и снаружи (супер-Эго).

Парадокс субстанции помещает символические действия в общее поле «символической коммуникации», в которой слово «является

¹¹ Burke, Kenneth. *A Grammar of Motives*. Berkeley, CA: University of California Press, 1969: 27.

не просто внешним инструментом, но внутренним [качеством] людей как деятелей (agents)»¹².

В этом поле индивид в коммуникативных актах постоянно идентифицирует себя с коллективным мотивом, вступая в практические взаимодействия с другими. Базовая структура личности – репрезентация коллективного мотива в плане индивидуального действия. В этом контексте можно рассматривать «Войну и мир» Толстого, философским лейтмотивом которой выступают размышления о роли личности в истории, как огромную иллюстрацию этого тезиса. В частности, главный герой войны – Кутузов служит тем, что Берк описывает как совершенного представителя своей группы (a fully representative member of the tribe), воплощая, по Толстому, глубинные чаяния русского народа.

Берк подчеркивает диалектичность символической коммуникации. Развивая ее логику, можно сказать, что на место гегелевского духа, самоотчуждающегося в опредмеченное инобытие, чтобы вернуться к себе обогащенным для-себя-бытием, подставляется человек. Вступая в коммуникацию с другим, человек снимает абстрактную всеобщность своей родовой субстанции и «опредмечивает» себя в другом, являясь и, одновременно, не являясь им. А затем, на стадии отрицания отрицания, возвращается к себе как к конкретной универсальности. Таким образом, в коммуникативных актах индивид посредством другого индивида как носителя той же самой «субстанции» родовой сущности приходит ко все более глубокому постижению себя, к *самореализации* (greater self-realization).

Формула этого диалектического процесса – инверсированное двойственное формирование индивида (the reversed ambiguous derivation) в процессе коммуникации¹³. Каждый участник коммуникации схватывает в другом «самого себя» (как репрезентацию, как конкретность общности). Другой служит воплощением, «зеркалом» (как сказал бы Маркс) родовой сущности индивида для него самого.

В этом смысле метафора есть спонтанное внутреннее родство двух, открывающееся им через друг друга, или, по словам часто цитируемого Берком Элиота, поэтический акт есть «акт слияния» (fusion). А группа функционирует как распространенная метафора с общим «третьим термином» коллективной формы (формиобразующего

¹² Ibid.: 33.

¹³ Ibid.: 38.

мотива). И тогда поэтический текст – не просто ритмизированная проза, которая содержит повышенную плотность поэтических фигур речи, как булка изюм. Поэтически текст обнажает сам исходный принцип социальной связности.

Новый свет на эти взгляды, шокировавшие многих современников Берка своей междисциплинарностью, проливает концепция поэзии как символического обмена Жана Бодрийера. Французский философ радикальным образом переосмысливает сосюрсовское «открытие языка» в качестве автономной структуры. Он смещает центр тяжести этого открытия с дифференциальных признаков (бинарных оппозиций) на феномен анаграммы как организующего язык принципа. Анаграмма – это некое сакральное имя (бога или героя), которое как бы «зашифровано» в древней поэзии (от ритуальных гимнов до сатурнийских стихов), разнесено в поэтическом тексте по буквам, постоянно повторяется в виде слогов и их инверсий и этими повторами связывает стих в единое целое. Феномен анаграммы, пишет сам Соссюр, состоит «в том, чтобы подчеркнуть некоторое имя, некоторое слово, стараясь повторять его слоги и придавая ему тем самым как бы второе бытие – искусственное, как бы прибавочное по отношению к слову-оригиналу»¹⁴. Например, имя *Agamemnon* явственно слышится в одном античном стихотворении в словах *aasen*, *argaleon*, *anemon*, *amergatos*, *autme*. Эти слова образуют своеобразный стержень поэтического текста, на который нанизываются остальные слова. Это наглядно демонстрирует, в каком смысле можно понимать берковское «телескопирование» – раздвижение слова на поэтический ряд слов, которые образуют развернутую метафору с общим сакральным «третьим термином».

Стих не «воспроизводит» имя Агамена, подчеркивает Бодрийер, но придает ему «второе бытие». Ибо имя бога, его символическое тело в поэтическом тексте подвергается «расчленению», «рассеянию» и «уничтожению»: «Здесь имеет место эквивалент умерщвления бога или героя при жертвоприношении – в плане означающего, в плане имени, которое его воплощает. Только будучи расчленен, дезинтегрирован жертвенной гибелью (а иногда и физически растерзан и съеден), тотемный зверь, бог или герой циркулирует далее как *символический материал для интеграции группы* [курсив мой. – А. Г.]».

¹⁴ Цит. по: Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 328.

В этом обращении сакрального Имени в ничто и заключается суть символического акта. В стихотворении, говорит Бодрийяр, каждый элемент (каждая фонема, слог, слово, строка) находится в отношении строгой взаимности со своим двойником – вторит-взаимопогашает один другого. На этом принципе основана вся первобытная экономика обмена-дара. Поэтический язык оперирует не более или менее фиксированными значениями слов, но раскрывает «бесконечную продуктивность» слова как метафоры: «поэзия воссоздает ситуацию первобытных обществ в области языка: имеется ограниченный набор предметов, непрерывной циркуляцией которых в процессе обмена/дара обеспечивается неисчерпаемое богатство, празднество обмена».¹⁵ Такой обмен и образует символическую коммуникацию, в которую включены и слова, и люди, и материальные ценности.

Утопия и деньги

Метафоричность как созданный человеком «медиум коммуникации» образует утопический горизонт текстов Берка: «Поскольку социальная жизнь, как и искусство, является проблемой обращения, призыва (arreal), поэтическая метафора могла бы дать нам неоценимые ключи к пониманию практических действий, которые слишком часто оцениваются простыми тестами на утилитарность и слишком редко – с помощью критериев общительности, сочувствия, примирения, которые явственно присутствуют в формальных особенностях искусства и должны так же присутствовать и в тех неформальных искусствах жизни, которые нам не случается называть искусствами»¹⁶. Искусство – в том числе то неформальное искусство, которым и является наша жизнь, – это искусство обращения к себе подобному. Коммуницировать – значит становиться на позицию друг друга, находить общую почву, случайное, неожиданное, но глубокое родство, чувствовать причастность к высшей общности. Такого рода идеи задают перспективу своеобразного христианизированного марксизма – все более христианизируемого с переходом от турбулентного предвоенного десятилетия к благополучному послевоенному обществу потребления, но в кризисные 1930-е образующие проект коммунистической поэтики жизни.

¹⁵ Там же. С. 338.

¹⁶ Burke, Kenneth. *Permanence and Change*: 339.

Сам Берк характеризует исторический контекст формирования своей концепции как период «затягивания поясов после долгого капиталистического загула» (*long capitalist debauch*)¹⁷. И его источник он усматривал гораздо глубже, нежели президент США Герберт Гувер с его крылатым высказыванием о кризисе: «Единственная проблема капитализма – это капиталисты; они чертовски жадны». Проблему нужно искать не в психологических особенностях отдельных людей, но на уровне того «секулярно-сциентисткого коммерческого кода», который замещает ценность метафоры новой ценностью – личного успеха как мотива деятельности.

Соответственно стратегическая перспектива выхода из кризиса описывается Берком как коммунизм: «Коммунизм – это кооперативная рационализация, перспектива, отвечающая требованиям поэтической метафоры. Он в основе своей гуманистичен как поэзия. ... При капитализме человек должен приспособлять свои усилия к духу машины – при коммунизме он может приспособить машины к духу своих фундаментальных потребностей в рамках активного коммуникативного организма»¹⁸. Здесь речь идет не о возвращении к историческому типу солидарности, существовавшему в традиционном обществе и основанному на жесткой гомогенизации группы. Берк говорит о необходимости нового посттрадиционного единства, основанного не на религиозных догматах или тоталитарных идеях, но на метафорическом многообразии общих мотивов – что возможно посредством новой поэтизации языка, превращения общества в поэтический «коммуникативный медиум», условием и конечной целью которого будет служить поиск случайных, далеких, но глубинных сходств, тонкая настройка друг на друга. Нет ничего более далекого от этого идеала Берка, чем современная бомбардировка однотипными сообщениями изолированных индивидов, по иронии судьбы называемая «массовыми коммуникациями», в которой нет ни подлинной коммуникации, ни коллективности.

В этом смысле нужно понимать кредо американского теоретика: «Из всех вещей язык является самой публичной, самой коллективной в своей субстанции [вещью]»¹⁹. Соответственно социальная функция языка, поэтического языка понимается предельно широко – не как

¹⁷ Ibid.: 340.

¹⁸ Ibid.: 344.

¹⁹ Burke, Kenneth. *The Philosophy of Literary Form*: 44.

отражение, всегда частичное, социальной жизни (определенных исторических типажей, общественных конфликтов), но как матрица социальных отношений как таковых. Искусство – это важнейший модус производства, производство мотивов. Или производство самой «формы общения» (социальной связности) в качестве конечной цели экономики (в утопических терминах Маркса).

Поэтический коммунизм Берка может показаться прекраснодушным романтическим видением. Но в нашем уже, кажется, перманентном состоянии кризиса, в котором утилитаризм, индивидуализм, утрата вкуса к искусству и жизни и прочие описываемые Берком реалии только усугубляются, критическая теория «символического действия», на наш взгляд, обретает особую актуальность прежде всего в критике монетаристского кода²⁰, краткую суть которой можно сформулировать следующим образом: мир без метафоры – это мир без цели, мир без мотива.

Подлинные мотивы лежат в измерении «танца расположенностей», которое отсылает к гармонизации индивидуального опыта в социальном мире как горизонту *использования* метафоры, отсылает к образу ритуального круга, в котором все члены группы образуют своеобразную закольцованную распространенную метафору, обмениваясь общим «третьим термином» и воспроизводя тем самым живой динамический образ социального Единства. Иными словами, метафора здесь служит средством производства коллективных мотивов.

«Танец расположенностей» – это гармонизация «души и тела», устранение разрыва между замыслом и поступком – разрыва, который в крайнем случае обесмысливает и блокирует деятельность вообще. Это также нахождение своего места в хореографическом целом коллективной динамики, своей точки равновесия между различными (различающимися, конфликтующими) силами в социальном поле.

Индивиды экономики жертвоприношения, используя отсылки к Фрейду и Бодрийяру, поющие гимны во время общего праздника (и произносящие магические формулы во время коллективного труда), «поедают отца» в качестве общей им всем «субстанции» – языка.

²⁰ Проблема берковского марксизма обсуждается также в: Abbott, Don. "Marxist Influences on the Rhetorical Theory of Kenneth Burke." *Philosophy & Rhetoric* 7:4 (Fall 1974): 217–233; *Burke in the Archives: Using the Past to Transform the Future of Burkean Studies*, eds. Dana Anderson, Jessica Enoch. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2013; Wolin, Ross. *The Rhetorical Imagination of Kenneth Burke*.

И сами таким образом становятся распространенной метафорой, располагая (*attitudinizing*) себя по отношению к другим и миру.

Эпоха Ренессанса с ее первыми формами капиталистической финансово-торговой активности служит для Берка точкой отсчета процессов трансформации коллективно-магических мотивов. «Ново-испеченные» мотивы – мотивы перспективные, ориентирующие не бесконечное движение в определенном направлении (*fresh 'directional' motives*). Причинами такой трансформации выступают «большая социальная мобильность, переход от статуса к контракту, отчуждение собственности, распространение монетаристской логики, революционные инновации в средствах транспортировки и коммуникации»²¹.

То, что Берк называет «монетаристской логикой» (*the monetary rationale*) перечисляется среди прочих пунктов, но впоследствии Берк формулирует свою позицию более четко. Союз технологии и капитала – центральный фактор глубинной трансформации мотивов. При этом технология трактуется не только в доктринальном марксистском смысле системы разделения труда («обособления», «фрагментаризации» мира), закрепляемой частной собственностью на средства производства («отчуждением собственности»), но и как система пространственной и социальной мобильности, расширенно воспроизводимая новыми средствами коммуникации.

Деньги начинают играть в этом союзе ведущую роль, хотя кажется, что они – лишь побочный эффект новых технологий промышленного производства и купеческой торговли, ибо дело не в том, как подчеркивает Берк, что в какой-то момент истории люди становятся более жадными до материальных благ. Деньги приобретают самостоятельную активность, мотивационную «остроту» (*the money motive itself gained poignancy*) вследствие того, что «возрастающее использование монетарного символизма в качестве неотъемлемой составляющей экономического процесса подталкивало нации к развитию своих систем производства и распределения в соответствии с денежным мотивом (*money motive*)»²². Это ведет к превращению денег из экономического средства, «посредника» (*medium*), способствующего производству и обмену, в основание и цель всей экономической активности. Такова «социология мотивов» в капиталистическом обществе.

²¹ Burke, Kenneth. *A Grammar of Motives*: 32.

²² *Ibid.*: 92.

Денежный «символизм» работает на разных уровнях. В повседневной жизни это натурализация денег как естественного, стихийного фактора жизни. Примером такой монетаристской идиомы служит для Берка сообщение в газете о падении биржевых курсов, сопровождаемое комментарием о том, что огромный ущерб от недавнего урагана не идет ни в какое сравнение с ущербом от обесценивания акций в течение одной биржевой сессии. Тем самым финансовые спекуляции приравниваются к природному явлению, разрушительному, но «естественному»²³.

На высших идеологических этажах либеральная апология денег постулирует их не просто в качестве сути экономической жизни, но и источника свободы индивида как таковой. Риторика денег становится самостоятельным идеологическим фактором, закрепляющим, (вос)производящим экономическую систему. Здесь Берк, по мысли Роберта Весса, выступает предтечей постмарксистского поворота в критике идеологии, представленного, прежде всего, книгой Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985).

Когда Берк пишет: «Идеология не может быть выведена только из экономических соображений. Она движима также природой человека как “животного, использующего символы”»²⁴, – он впервые, по мысли Весса, склоняет чашу весов от экономического детерминизма к риторике: «идеология становится риторической»²⁵.

С деньгами связана и трансформация труда. Античная культура рабства открыто принуждала человека к выполнению работы, которая не приносила никакого удовлетворения. В средневековье мотивы для выполнения такого рода труда могли быть более возвышенными – служение Богу, долг перед старшими и т.п. В любом случае смысл такого труда, согласно гегелевской диалектике раба-Господина, обретался на стороне Господина, наслаждающегося его плодами.

Берк поражается тому факту, что на современном рынке труда капиталисту как покупателю рабочей силы достаточно предложить: «Кто сделает эту работу за пять долларов?» – и человек «выступит вперед и “независимо”, по “собственной воле”, без чьих-либо приказов возьмется за нее»²⁶.

²³ Ibid.: 117.

²⁴ Burke, Kenneth. *A Rhetoric of Motives*: 146.

²⁵ Wess, Robert. *Kenneth Burke. Rhetoric, Subjectivity, Postmodernism*. New York: Cambridge University Press, 1996: 7.

²⁶ Burke, Kenneth. *A Grammar of Motives*: 93.

Проблема таким образом, в том, что системное принуждение капитализма (продавать свою рабочую силу не имеющим собственности на орудия производства) в форме денег воспринимается как свобода, как свободный выбор того, что ранее навязывалось только принуждением.

Деньги, полагает Берк, это более «нейтральный», чем вооруженная сила или религиозные догмы, мотив. Они мотивируют не страхом или священным долгом, но просто предоставлением «возможностей». Современный труд не приносит удовлетворения, он мотивируется совершенно внешним ему фактором – полученными деньгами. Как можно вынести такой труд, для описания которого Берк не жалеет красок – «нудятина», «пахота», «мука» (drudgery, toil, anguish) – даже если дополнительной его компенсацией служит разворачивающаяся индустрия массовых развлечений? Образцом труда, который имеется в виду, выступает труд конвейерного рабочего, который собирает, например, автомобили на заводе Форда, а потом, во время Великой депрессии становится жертвой собственной производительности (перепроизводства) и, будучи уволенным, готов выполнять самую грязную работу за мизерную оплату.

Конечно, в истории люди трудились и более тяжелым образом. Но специфика современного труда, его особая тяжесть – в механической однообразности (темпе и специализированности трудовых операций) и необходимости его «свободного выбора», то есть в самопринуждении. Последнее принципиально. Труженик, находящийся в личной зависимости, мог вынести земные тяготы, веря в Господина (судьбу, богов), в глазах которого его жизнь имеет свою ценность, и которому она приносит наслаждение. В крайнем случае он может взбунтоваться – и тогда Господин становится «козлом отпущения», повинным во всех бедах своих поданных.

Современный рабочий сам несет все бремя бессмысленности и безотрадности своего труда: новый Господин – деньги – снимает с себя за это всякую ответственность (ведь это свободный выбор самого рабочего). И нет никого, против кого возможен бунт. В то же время, принуждение нового Господина становится гораздо более утонченным и вездесущим – труженик обязан сам наслаждаться своим трудом в форме денег и связанных с их секулярным культом ритуалов потребления. Такое развитие проблем, поставленных Берком, выводит к гораздо более широкому контексту современного фрейд-марксизма (С. Жижек и др.).

Деньги выступают «техническим субститутом» Бога – они опосредуют (*mediate*) различные частные интересы, согласуя их в системе разделения труда, и выступают таким образом «гражданским медиумом», новой субстанцией социальности. Но главная претензия американского мыслителя к монетаристской логике – это не-поэтичность денег в этом качестве «технического божества». Деньги мотивируют «извне», не создают расположенности. Ибо деньги – без-образная метафора. Они не могут быть пережиты изнутри как подлинный мотив. И они «технически» связывают изолированных индивидов, разрушая саму ткань социальности (глубинного родства, сходства несходного).

Поэтому, когда США выходили из Второй мировой войны, не просто восстановившись от Великой депрессии, но и совершив экономический рывок к статусу сверхдержавы, Берк настаивал, что «коллективизм» рузвельтовского общества всеобщего благосостояния был скорее «продолжением индивидуализма», и что «мы нуждаемся в коллективистском мотиве, который бы разделялся всеми, за исключением тех, кто наживается на войне и строит новую империю большого бизнеса (*the war profiteers and the empire-builders of big business*)»²⁷.

Упущение из виду этой глубинной антропологической связи риторики и идеологии может привести, как уже было замечено выше, к поверхностному пониманию мотивов как эффектов риторического применения слова. В конечном счете результатом такой логики оказывается трактовка денег просто как еще одного мотива среди прочих. Как и прочие глубоко укоренившиеся мотивы, полагает Хью Дункан, деньги символизируются риторически, «красным словом» мудрости, здравого смысла, например, поговорками:

Поговорка «характеризует» ситуацию и таким образом создает различные расположенности (*attitudes*) к общим действиям. В Америке, например, во многих ситуациях мы действуем совместно посредством использования денег. Американцы должно быть пропитаны тем, что Макс Вебер называл «духом капитализма»... Говорить, что деньги служат импульсом рыночной активности, высвобождают социальную энергию (“*releases*” *social energy*) – значит упускать из виду тот факт, что деньги функционируют в Америке так, как они функционируют, только потому, что у нас есть определенное к ним

²⁷ Ibid.: 394–395.

отношение (attitudes) и убеждения насчет надлежащих путей их добы-
вания и расходования²⁸.

Антропологическая логика Берка задает, на наш взгляд, прямо противоположные ориентиры. Именно символ как глубинная матрица интерпретации мира и социального связывания (метафора или деньги) является тем «орудием», при помощи которого высвобождаются социальные энергии. В этом и состоит смысл «символического действия».

В своем эпохальном романе «Деньги» (1891) Эмиль Золя показывает, например, как деньги функционируют в качестве фундаментального мотива, заставляя героев (финансовых спекулянтов всех мастей) развивать бешеную активность по высвобождению и суммированию «энергий» множества людей (сил, талантов, надежд, конвертируемых в ценные бумаги). Проблема, которую в полный рост ставит французский романист, заключается в том, что эта экономика является плохой символической экономикой. Да, она оставляет после себя проложенные акционерным капиталом дороги, освоенные новые земли и т.д., но в результате биржевой игры в проигрыше остается подавляющее большинство тех, кто в нее оказывается вовлечен; они оказываются не просто в убытках, но «обесточенными», полностью истощенными, не способными не только бороться за лучшее будущее, но даже различать его.

Если в ритуальной культуре метафора – это матрица коллективной формы, «третий термин» общности, циркулирующий в символическом контуре группы от одного к другому, связывающий их глубинным родством, «субстанцией», то в измерении денежной экономики этот «третий термин» стирается, становится без-образным, чисто количественным – всеобщим эквивалентом. При помощи такого «третьего термина» любые два товара могут быть в определенной пропорции приравнены друг к другу. А посредством этого, задним числом, в «отношения», лишенные какого бы то ни было личностного момента, вступают и сами товаропроизводители, субстанцией которых оказывается не что иное, как абстрактный труд (формула товарного фетишизма). Таким образом, не наши способы говорения о деньгах, а сами деньги, подрывающие антропологический статус коммуникации, символическую эффективность речи, представляют основную критическую мишень.

²⁸ “An Introduction by Hugh Dalziel Duncan”: XVIII.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

REFERENCES

Abbott, Don. "Marxist Influences on the Rhetorical Theory of Kenneth Burke." *Philosophy & Rhetoric* 7:4 (Fall 1974): 217–233.

Baudrillard, Jean. *Simvolicheskiĭ obmen i smert'* [*Symbolic Exchange and Death*]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. (In Russ.)

Burke in the Archives: Using the Past to Transform the Future of Burkean Studies, eds. Dana Anderson, Jessica Enoch. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2013.

Burke, Kenneth. *A Grammar of Motives*. Berkeley, CA: University of California Press, 1969.

Burke, Kenneth. *Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature, and Method*. Berkeley, CA: University of California Press, 1966.

Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984.

Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. New York: New Republic, 1935.

Burke, Kenneth. *The Philosophy of Literary Form: Studies in Symbolic Action*. Berkeley, CA: University of California Press, 1973.

Burke, Kenneth. *A Rhetoric of Motives*. Berkeley, CA: University of California Press, 1969.

Burke, Kenneth. "Symbol and Association." *Hudson Review* 9 (1956): 212–225.

Bygrave, Stephen. *Kenneth Burke: Rhetoric and Ideology*. London; New York: Routledge, 1993.

Heath, Robert L. *Realism and Relativism: A Perspective on Kenneth Burke*. Macon, GA: Mercer University Press, 1986.

Jameson, Fredric. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1981.

Jameson, Fredric. "Symbolic Inference; or, Kenneth Burke and Ideological Analysis." *The Ideologies of Theory*. London, New York: Verso, 2008: 144–161.

Wess, Robert. *Kenneth Burke. Rhetoric, Subjectivity, Postmodernism*. New York: Cambridge University Press, 1996.

Wolin, Ross. *The Rhetorical Imagination of Kenneth Burke*. Studies in Rhetoric/Communication. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2001.

Received: 7 Oct. 2020

Date of publication: 30 Nov. 2020